

UDC 930.2

IN SEARCH OF A NEW IMAGE
NORTH CAUCASUS IN THE ERA OF GLOBAL CHANGES

Tatyana P. Khlynina

Southern Scientific Centre of RAS
41 Chekhova Pr., Rostov-on-Don, Russia, 344006
Dr. (History)
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

The article deals with issues linked to creation of positive image of North Caucasus through new National History.

Keywords: North Caucasus, South of Russia, Solar Plexus of Eurasia, National History, Cultural-Historical Identity, Modernization, Globalization.

Необходимость выработки нового позитивного образа Северного Кавказа, региона традиционно позиционируемого в сложных конфликтологических категориях, осознается не только официальной властью, но и профессиональным сообществом. Предпринимаемые в данном направлении усилия, в частности появление концепта «Юга России» и генеративной метафоры Кавказа как «солнечного сплетения Евразии», свидетельствуют о наметившейся положительной динамике решения этой далеко неоднозначной и крайне болезненно воспринимаемой проблемы. Обсуждаемые проекты возвращения региону бывшего облика советской туристической Мекки и плавильного тигля культур представляют собою, по сути, легитимацию той «историко-культурной» самобытности, посредством которой на протяжении всего постсоветского периода оправдывались особенности социально-экономического развития Северного Кавказа и его взаимоотношений с федеральным центром.

При этом то, что ранее истолковывалось в качестве серьезных и негативных препятствий на пути обретения регионом «мира, стабильности и процветания» [1], на сегодняшний день воспринимается, если и не сугубо положительным, то, во всяком случае, лишенным отрицательных коннотаций обстоятельством. Наглядным примером тому могут служить развернувшиеся в последние годы общественно-политические дискуссии, посвященные проблемам обустройства Северного Кавказа. В них все чаще звучит мысль о необходимости приведения его в соответствие с традициями горского самоуправления. В вышедшей несколько лет тому назад и получившей скандальную известность книге Х.-А. Нухаева «Мир по формуле «победа – победа»» содержалось развернутое обоснование «исконного права горских народов жить по заветам великих предков». Изложенные в ней идеи получили сочувственную поддержку части профессионального сообщества, увидевшего в установлении на местах власти традиционных институтов возможность оптимизации межэтнических отношений и снятия предпосылок конфликтов.

Сегодня федеральный центр делает ставку на не менее значимый институт традиционного самоуправления кавказских народов – совет старейшин, решения которого не имели юридической силы, но являлись своеобразным нравственным императивом для общины или рода. Несмотря на то, что джамааты никак не представлены в структуре нынешней власти, их влияние остается весьма существенным. Местные политики и общественные деятели опираются на поддержку тех из них, где сосредоточены их родственники и разнообразная

клиентела. В мае 2007 г. была создана ассоциация Совета старейшин народов Кавказа, принявшая деятельное участие в урегулировании грузино-абхазского и грузино-южно-осетинского конфликтов. В Карачаево-Черкесии совет старейшин привлечен к выдаче кредитов населению. Высоко оценивая социальный потенциал традиции, Президент РФ Д. Медведев поручил полномочному представителю в Северо-Кавказском федеральном округе проработать вопрос о создании совета старейшин региона.

Столь существенные перемены, произошедшие в понимании имплицитной логики развития Северного Кавказа, не в последнюю очередь обязана деятельности и профессиональных имиджмейкеров от истории, прежде всего, ее национальной разновидности. Появление новых национальных историй на постсоветском пространстве стало ответной реакцией не только на исчезновение координирующего научного центра и сложившихся институциональных взаимосвязей в области изучения прошлого, но и откликом на болезненно переживаемые народами процессы модернизации. Именно их интенсификация, пришедшаяся на годы постперестроечного обновления общества, создала реально ощущаемую угрозу исчезновения историко-культурного своеобразия российских этносов. Отчасти порождением осознаваемой угрозы предстоящей утраты и оказались новые национальные истории, увидевшие свое предназначение в возрождении предельно и зачастую вольно трактуемых былого величия и героического прошлого своих народов.

В этом своем стремлении «не забывать истоков прошлого» национальная история и порождает разнообразные мифологемы, распадающиеся на множество этнически окрашенных версий. Особенности их нынешнего проявления становятся тесная взаимосвязь с текущими политическими преобразованиями и потребность в институционализации особенного взгляда на историю народов страны. Как показал в своих исследованиях В.А. Шнирельман, этнически окрашенные версии прошлого исходят из «вполне конкретных сиюминутных этнополитических целей» и включают в себя достаточно универсальные компоненты. Наиболее востребованными из них на сегодняшний день оказываются мифы об автохтонности народов, наличии у них исторической прародины и славных предков, позволяющих претендовать на политическую и культурную гегемонию в том или ином регионе [2].

Популярной формой мифотворчества стала и экстраполяция древних культур на современные этносы. Так, карачаевцы и балкарцы стали «наследниками» шумерской цивилизации, адыги – хеттской, чеченцам и ингушам в качестве почетных предков «достались» древние египтяне и этруски, осетинам – арийцы [3]. Особенно острые дискуссии вызвало «аланское наследие», на которое одновременно претендуют осетины, карачаевцы и балкарцы. Политико-правовым способом решения данного исторического вопроса в Северной Осетии стало официальное закрепление соответствующего термина («Алания») в самом названии республики. Еще до этого в ее государственной символике стали использоваться аланские изображения (барс на фоне гор). В свою очередь, герб Кабардино-Балкарии украсил хеттский орел.

Активная апелляция к прошлому характерны для многих российских народов, вовлеченность которых в модернизационные преобразования последних трех столетий поставила под угрозу саму возможность сохранения и передачи историко-культурного наследия последующим поколениям. Ощущение этой угрозы, нередко воспринимаемой массовым сознанием как «этнический геноцид и культурная ассимиляция» со стороны более успешных и численно превосходящих соседей, активно обсуждается профессиональными сообществами регионов. Помимо вполне

обоснованной обеспокоенности судьбой этнических культур, они пытаются прояснить и причины нынешней обостренности массового исторического сознания, состояние которого во многом определяется развитием и достижениями все той же профессиональной историографии.

Об этноцентричности и пагубном воздействии национальных историй на формирование самосознания народов региона и динамику его современного развития написано немало количество различного рода исследований. Свою лепту в позиционные бои с мифотворчеством национальных историков в свое время внес и автор. Однако в данном случае хотелось бы обратить внимание профессионального сообщества на те возможности национальной истории, которые могут быть активно использованы в создании позитивного образа региона и его этнокультурных брендов.

В своем неутомимом поиске искажений прошлого северокавказских народов национальная история не только обозначила круг довольно болезненных вопросов (управляемости региона; судьбы культурного наследия великих цивилизаций древности; исторического опыта совместного проживания разных этнических и конфессиональных групп), но и по большей чвоей части положительно ответила на них. Создаваемые ее образы Северного Кавказа как края великих культур и могущественных цивилизаций, на протяжении всей своей истории отстаивающего самобытность и автономность существования, свидетельствуют, прежде всего, о стремлении его народов к сохранению историко-культурного наследия и поиску своего достойного места в открытом мире. Настойчиво артикулируемые сюжеты, связанные с глубокой древностью и событиями, насильственно прервавшими поступательное развитие региона, постепенно замещаются показом значимости кавказской специфики для выработки внешней и внутренней политики России; особенностей духовного склада и образа жизни северокавказских народов, их не всегда простых, но, тем не менее, все чаще положительно оцениваемых взаимоотношений с Россией.

Несмотря на множество, казалось бы, принципиальных разногласий в оценке и трактовке национальными историками прошлого региона оно, тем не менее, предстает перед нами «единством разнообразия» и говорит о том, что на протяжении всей своей истории народы Северного Кавказа являлись не только объектами истории, но и ее полноправными творцами. В ситуации прогрессирующей глобализации национальная история становится незаменимым спутником жизни народов в открытом и усложняющемся пространстве культурного взаимодействия. В этом своем качестве она обеспечивает не только их достойное прошлое, но и приемлемое настоящее, ограниченное рампой исторических достижений. Таким образом, историко-культурное наследие народов региона, получившее свою новую огранку в пространстве национальной истории, оказывается не только визитной карточкой региона, но и его опознавательным знаком на карте страны.

Примечания:

1. Речь, прежде всего, идет о начавшемся процессе реставрации у народов региона традиционных патриархальных отношений, характерных для XVIII – XIX вв. Подробнее, см.: Дегоев В. Северный Кавказ и будущее государства Российского // Россия, Кавказ и постсоветский мир. М., 2003.

2. Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика. URL: www.kroraina.com/knigi/is_ran/index.html.

3. Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 264–265.

УДК 930.2

В ПОИСКАХ НОВОГО ИМИДЖА:
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Татьяна Павловна Хлынина

Южный научный центр РАН
344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41.
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Статья посвящена проблемам выработки позитивного образа Северного Кавказа средствами новой национальной истории.

Ключевые слова: Северный Кавказ, «юг России», «солнечное сплетение Евразии», национальная история, культурно-историческая самобытность, модернизация, глобализация.